

Фамильные «паспорта» комедии Н. В. Гоголя «Женитьба»

Игорь Алексеевич Виноградов, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Россия, Москва), iwinigradow@mail.ru

DOI: 10.31857/S0131611724050054

АННОТАЦИЯ: Исследуется значение фамилий в комедии Гоголя «Женитьба».

Происхождение имен женихов Жевакина и Онучкина связывается с народной поговоркой «Жевать онучку». В связи с фамилией Яичницы обсуждается эпизод пьесы, где невеста предупреждает жениха словами: «Не прогневайтесь... За столом будет только щи... да дроченное». «Дроченное» (драчена) — ближайший синоним «яичницы». Согласно записи Гоголя, касающейся характеристики «дородного» Яичницы, «дрочень, жирное и толстое дитя; дрочить, баловать». Предлагается объяснение заключенной в пьесе ситуационной синонимии. «Дорожные» фамилии еще двух героев пьесы — Подколесина и Кочкарева — связываются с духовными устремлениями Гоголя показать «пути и дороги... для всякого» к «высокому и прекрасному» в «темном и запутанном настоящем». Анализ языковых средств позволил выявить индивидуальные особенности поэтики Гоголя как писателя-сатирика, обличителя человеческой «пошлости». Пристальное внимание обращается на то, что в создании образа обличаемого героя важную роль играет у Гоголя экспрессивная лексика. Пронимающее острое слово, разнообразные «бранные» и уничижительные выражения, народное прозвище, характерная близкая к «эпиграмме» фамилия составляют арсенал художника не только для создания комического эффекта. В еще большей степени негативно окрашенные оценочные средства служат задаче воспитания современников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Н. В. Гоголь, поэтика, ономастика, сатира, поговорки, пословицы, экспрессивная лексика, обличительные выражения

для цитирования: Виноградов И. А. Семейные «паспорта» комедии Н.В.Гоголя «Женитьба» // Русская речь. 2024. № 5. С. 61–71. DOI: 10.31857/S0131611724050054.

The Language of Fiction

Family “Passports” of N. V. Gogol's Comedy “Marriage”

Igor' A. Vinogradov, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow), iwinigradov@mail.ru

ABSTRACT: The article explores the meaning of the surnames in Gogol's comedy “Marriage”. The origin of the names of the grooms Zhevakin (*zhevat'* — chew) and Onuchkin is associated with the folk saying “Chew onuchka.” Regarding the surname Yaichnitsa (*yaichnitsa* — fried eggs), an episode of the play is drawn in, where the bride warns the groom with the words: “I hope you won't be angry... At the table there will only be cabbage soup... and drochenoye.” *Drochenoye* or *drachena* is a dish very similar to “fried eggs”. According to Gogol's entry regarding the characterization of the “portly” Yaichnitsa, he can be described as “a spoilt, fat child”.

In addition, an article proposes an explanation of the situational synonymy contained in the play. The “road” surnames of two more characters in the play — Podkolesin (*pod* — under, *koleso* — wheel) and Kochkarev (*kochka* — hummock) — are associated with Gogol's spiritual aspirations to show “paths and roads... for everyone” to the “lofty and beautiful” in the “dark and confused present”. The analysis of linguistic means allowed to reveal the individual features of Gogol's poetics as a satirical writer and a denouncer of human “vulgarity”. The article pays close attention to the fact that expressive vocabulary plays an important role in creating the image of the exposed hero. A penetrating sharp word, various “abusive” and derogatory expressions, a popular nickname, a characteristic surname close to an “epigram” make up the artist's arsenal not only for creating a comic effect. To an even greater extent, negatively colored evaluative means serve to educate contemporaries.

KEYWORDS: Nikolai Gogol, poetics, onomastics, satire, sayings, proverbs, expressive vocabulary, accusatory expressions

FOR CITATION: Vinogradov I. A. Family "Passports" of N. V. Gogol's Comedy "Marriage". Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 5. Pp. 61–71. DOI: 10.31857/S0131611724050054.

История создания «Женитьбы», начатой в 1833 г., восходит к тому времени, когда Гоголь только вступал на поприще сатирика. В представлении о пронизывающей силе смеха, который «молотами» бьет «по сердцу, по жилам» закоренелого грешника [Гоголь 2009а: 242], писатель уже тогда черпал уверенность в возможности пронять неллицеприятной сатирой своих равнодушных к христианской проповеди современников (см. подробнее [Виноградов 2020]).

В обличительном содержании «Женитьбы» внимание к себе привлекает значительное количество «крепких», «оскорбительных» слов, употребляемых персонажами, а также множество метких пословиц и поговорок [Виноградов 2024: 79–82]. Сват Кочкарев называет неподъемного увальня-жениха Подколесина «мерзавцем», «подлой рожей», «глупой животиной», «свиньей», «подлецом», «дураком», «тряпкой», «деревянной башкой», «бревном», «олухом», «байбаком» (т. е. сонным сурком) и пр. [Гоголь 2009б: 320–323, 356–358]; речь свахи пестрит попрекающими острым словом пословицами [Гоголь 2009б: 316, 329, 333, 347; 1949: 329].

«Бранные» слова и уничижительные выражения мотивированы самим замыслом пьесы. Позднее, в одной из статей «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1847), адресованной «русскому помещику», Гоголь писал: «Мужика не бей. Но умеи пронять его хорошенько словом. Ругни его при всем народе. Выкопай слово похуже, назови всем, чем только не хочет быть русский человек» [Гоголь 2009г: 112]. О недостойном представителе дворянства Гоголь, в свою очередь, замечал, что за проступки, порочащие сословие, «его же собратья дворяне» выпустят на него «тут же эпиграмму» [Гоголь 2009г: 147].

Прозвища «гусак», «тюлень», «протухлый кочан», «фетюк», «юбка» [Гоголь 2009а: 463; 2009в: 75, 186, 202; 1949: 258], которыми герои «Женитьбы» и других произведений Гоголя награждают друг друга, нанося собеседникам «смертельные обиды» [Гоголь 2009а: 473], грубые прозвища, которыми «бьет», ругая Подколесина, Кочкарев, прямо относятся

к тем словам «похуже», какие Гоголь считал нужным применить при обличении недостойного.

Соответствующий характер носят и фамилии героев «Женитьбы». Всех без исключения претендентов на руку Агафьи Тихоновны объединяет общая «пошлость»: это единое «лицо» героев «Женитьбы», проявление общего замысла пьесы, изображающей матримониальные отношения «мертвых душ». Вдохновенное рассуждение о женщине «божественного» Платона (в ранней статье Гоголя «Женщина» 1831 г.), о женщине как «кротком существе, в котором боги захотели отразить красоту, подарить миру благо и в нем показать свое присутствие на земле» [Гоголь 2009д: 64], всем героям одинаково чуждо. В такой среде христианский брак теряет свое значение, оказывается лишь выгодным в том или ином отношении «сожителем». Реплику о подобном понимании брака — общем для всех героев пьесы — Гоголь оставил в черновой редакции «Женитьбы» (вероятно, исключив фрагмент из окончательного текста по цензурным соображениям): «Коли то-есть женатый человек, уж совсем другой пример. Вечером уж не таскаешься по Невскому или по Мещанской, потому что знаешь, что в доме то-есть сожительница есть» [Гоголь 1949: 326–327].

К пониманию брака как «сожителства», т. е. к теме «Невского проспекта», в «Женитьбе» прямое отношение имеют сластолюбивые реплики женихов Жевакина и Онучкина (см.: [Гоголь 2009б: 331, 338]). Кроме того, с «соблазнительным», фривольным контекстом связаны «физиологические» выразительные черты (подчеркнутая «дородность») еще одного жениха, Яичницы. Подсказка на этот счет заключена в имени героя. Ближайшим синонимом «яичницы» является слово «драчена»¹. Именно слово «драчена» (или «дрочена») употребляет в «Женитьбе» невеста, обращаясь к гостям — непосредственно к Яичнице: «Не прогневайте, почтенные гости. За столом будет только щи да дроченое. Право мне уж и совестно» [Гоголь 2009д: 144]. Оговорка невесты «мне уж и совестно», подразумевающая «соблазнительные» смыслы, в какие попадает прозвище жениха, в этом случае в объяснениях тоже не нуждается. О перспективах Купердягиной (дочери купца-скупердя) стать Яичницей сваха замечает: «На Руси есть такие содомные прозвища, что только плюнешь и перекрестишься» [Гоголь 1949: 293].

За фамилией Яичницы, более всех женихов озабоченного «жениным приданым» [Гоголь 2009б: 429], встает целый ряд ассоциаций, позволяющих обозначить сам характер гоголевского именованного героя. В своем

¹ Это слово означает блюдо из взбитых яиц. «Драчена, сбита яичница» [Даль 1881: 482]. Позднее, в записной книжке 1846–1850 гг., Гоголь заметил: «В Москве на каждом дворе у хозяина и хозяйки в Семик на столе яичница и дрочена» (заметка «Земледельческие праздники» [Гоголь 2009е: 688]).

итоговом «объяснительном словаре» русского языка Гоголь записал: «Дрбчень, жирное и толстое дитя; дрочить, баловать» [Гоголь 2009е: 461]. Это определение приводит на память еще одного гоголевского героя — «баловня» — «мазунчика» Андрия в «Тарасе Бульбе». «Э, да ты мазунчик, как я вижу!» — обращается к нему отец [Гоголь 2009а: 304]. «Мазунчик» (от укр. «мазать» — «баловать, ласкать» [Гринченко (ред.) 1908: 396]) — маменькин сынок². Очевидно, что «мазунчик» — баловень и любимчик матери Андрий — это, согласно Далю (и Гоголю), «дроченое дитятко, баловень» [Даль 1880: 509]. Иными словами, Андрий — это «повзрослевший», «дородный» Яичница. «Достоинства» последнего сваха Фекла подчеркивает очередной поговоркой: «Был бы дороден, к делу способен» [Гоголь 1949: 326].

Именованье жениха Яичницей, упоминание невесты о соответствующем блюде с «нескромным» названием представляют собой знаковую языковую подсказку Гоголя о том, что «плотское» начало берет верх в обремененной земными интересами женитьбе. Уместно напомнить при этом и об аскетическом образе жизни самого Гоголя. Один из его школьных приятелей, В. И. Любич-Романович, вспоминал, что религиозность и склонность к монашеской жизни были заметны в Гоголе «еще с детского возраста» [Виноградов 2017: 491]. По словам соученика, в этой особенности лежит ключ к пониманию всех произведений писателя, в том числе «Женитьбы»: «Сатира Н^иколая» В^асилевича» вся проникнута духом отрицания земного бытия. А «Женитьба»? Разве это не то же отрицание земного? Он думал, что его поймут. Но его не поняли» [Виноградов 2017: 491].

В «пошлом» тождестве между собой героев «Женитьбы» особенно похожи друг на друга два жениха — Жевакин и Онучкин (в окончательной редакции — Анучкин). Характеры этих героев создавались Гоголем по единому принципу комического дублирования. Разница между ними состоит лишь в том, что один — морской офицер, другой — пехотный. В остальном герои совершенно одинаковы: можно сказать, что Онучкин является «пехотной копией» Жевакина. Обобщая все черты разительного сходства героев (обязанного своим происхождением особому авторскому замыслу), можно сказать, что Жевакин и Онучкин — это Добчинский и Бобчинский «Ревизора», аналоги этих героев-двойников в «Женитьбе».

Отношение обоих героев к женщине с очевидностью сводится к предвкушению «лакомого кусочка» [Гоголь 2009б: 331, 338]. Одинаково характеризуются Жевакин и Онучкин и с внешней стороны: один «худощав»

² Ср.: «Мазаний — Избалованный, изнеженный»; «Мазун — Баловень, любимец. Ум^{еньшительное}». Мазунец, мазунчик» [Гринченко (ред.) 1908: 396–397].

[Гоголь 2009б: 341], другой — похож на «кисет, из которого вытрясли табак» [Гоголь 2009б: 349]. У одного «ножки узенькие, тоненькие» [Гоголь 2009б: 326], у другого — «нога петушья» [Гоголь 2009б: 350]. Оба одинаково находятся в отставке; одинаково подвержены иноземному влиянию (проявляя при этом «равную» языковую ограниченность — обнаруживая одинаковое незнание языков, которыми восхищаются: один — французским, другой — итальянским).

Неудивительно, что и само происхождение фамильных прозвищ одинаковых героев, по-видимому, тоже было общим. Вероятно, имена Жевакина и Онучкина были произведены Гоголем от *одной* народной поговорки, которую он услышал в 1832 г. во время недолгого пребывания в Курске. Народное выражение «жевать онучку», «объединяющее» собой фамилии героев, отмечено в 23-м выпуске «Словаря русских народных говоров»: «Онучку жевать. а) Болтать, городить чепуху. Курск<ое>, 1900–1902. б) Видеть странный, нелепый сон. Курск<ое>, 1900–1902» [Филин (гл. ред.) 1987: 228]³.

В Курске Гоголь побывал проездом, по-видимому, дважды. Несколько дней он провел здесь с 5 по 10 октября 1832 г., по пути из Малороссии в Петербург. В Курске он, возможно, останавливался и позднее — в августе 1835 г., следуя из Киева в Москву [Виноградов 2017: 424]. Фамилии Жевакина и Онучкина имеются в самом раннем из сохранившихся автографов пьесы, относящемся, согласно уточненной датировке, к маю-июню 1835 г. [Гоголь 1949: 246–247].

Ближайшим значением комического именования Гоголем героев Жевакиным и Онучкиным является именно нелепость и пошлость. Курская поговорка заключает в себе концепты «чепуха», «ерунда», «вздор», «пустяки», «нелепица». Эти смыслы вполне отвечают сути пустых и «вздорных» героев, являются для них значимыми.

Употребление слова «онучи» само по себе всегда носило у Гоголя характер сниженный (см.: [Гоголь 2009а: 336, 375; 2009е: 522; 2009з: 225]; см. также: [Симонов 1864: 69]). И, подобно тому, как «онучи» ассоциировались у Гоголя с чем-то низменным и «пошлым», прозвище Жевакин имело для него эмоционально заостренный негативный оттенок. И без того невысокому смыслу этого слова (связанного с употреблением пищи) Гоголь придавал особое уничижительное экспрессивно-оценочное значение. Так, с резким «девальвирующим» нажимом Гоголь употребил слово «жеваки» в 1849 г. в письме к В. А. Жуковскому, характеризуя удручающие

³ Отмечена также похожая поговорка, бытующая в Костромском крае: «Сиди дома да жуй онучи. Не суйся не в свое дело; не лезь со свиным рылом в калашный ряд. Вохом<ский район> Костр<омской области>, 1976» [Филин (гл. ред.) 1987: 227].

настроения московской публики: «Одни в полном невежестве дожевывают европейские уже выплюнутые *жеваки* (так в источнике; курсив мой. — И. В.). Другие изблевают свое собственное несваренье» [Гоголь 2009ж: 286]. По воспоминаниям Г. П. Данилевского, спустя три года, осенью 1851 г., Гоголь прибегнул к тем же выражениям и при характеристике проживавших в Москве украинских сепаратистов: «Они все еще дожевывают европейские, давно выкинутые *жеваки* (так в источнике; курсив мой. — И. В.). Русский и малоросс — это души близнецов, пополняющие одна другую...» [Виноградов 2018: 167]. О московских знакомых Гоголя, «дожевывающих» европейские «выкинутые» «жеваки», — сторонниках мнений «чужестранных газет» [Гоголь 2009г: 146], — вполне можно было бы сказать, что они «жуют онучку».

Одинаково сниженные смысловые коннотации слов «онучи» и «жеваки», вместе с предполагаемым происхождением соответствующих фамилий героев «Женитьбы» от одной пословицы «Жевать онучку», тесно сближают фамилии и самые типы гоголевских персонажей — исполненных заграничных пристрастий женихов Жевакина и Онучкина.

Сравнивая многочисленных «пошлых» героев своей сатирической галереи с откровенными «плутами» и «мошенниками», Гоголь устами героя «Женитьбы», «свата» Кочкарева, подчеркивал не менее вопиющее и пагубное, и даже «худшее» в целой массе общества явление — «дремлющего непробудно» Подколесина: «Ведь бывают плуты, мошенники и подлецы, но ведь такого просто еще никогда не бывало»; «Бывают противные рожи, но не сочинишь хуже этой рожи» [Гоголь 1949: 315].

Призыв Гоголя к пробуждению «мертвых душ» становится еще более слышим во втором томе «Мертвых душ». Здесь писатель не раз отмечает, что «русский человек как-то не может без понукателя»: «Так и задремлет, так и залпснет, сделается и пьяницей и негодяем» [Гоголь 2009в: 320]. Как уже указывалось, Кочкарев сравнивает Подколесина с «байбаком» (т. е. спящим сурком): «Ты вот лежишь, как байбак, весь день на боку» [Гоголь 2009б: 320]. Во втором томе «Мертвых душ» по поводу такого же «байбака» Тентетникова Гоголь писал: «Тентетников принадлежал к семейству тех людей, которых на Руси много, которым имена — увальни, лежебоки, байбаки» [Гоголь 2009в: 246]. Здесь же Гоголь вопрошал: «Где же тот, кто бы на родном языке русской души нашей умел бы нам сказать это всемогущее слово: *вперед?* Веки проходят за веками; полмиллиона сидней, увальней и байбаков дремлют непробудно, и редко рождается на Руси муж, умеющий произносить это всемогущее слово» [Гоголь 2009в: 258].

В одном ряду с «байбачеством» Подколесина (и его «двойника» Тентетникова) стоят у Гоголя отступление от своего призвания «мазунчика» Андрия Бульбы, запущенные хозяйство и дом семейной четы Маниловых

и все другие многочисленные пороки изображенных им «мертвых душ». Исключения из «полумиллионного» собрания «мертвых душ» не составляет и неугомонный сват Кочкарев, сыплющий народными пословицами и «обидными» прозвищами. Одаренный словом, он легко убеждает и переубеждает своих собеседников — и Подколесина, и невесту, и других героев. Среди других персонажей он играет роль едва ли не ведущую, разговаривает с Подколесиным, «как отец с сыном» [Гоголь 2009б: 321]. Все это подразумевает его особое место в замысле комедии. Судя по влиянию Кочкарева на Подколесина, настоящее призвание героя заключается в том, чтобы будить человека к новой жизни, быть тем, кто скажет «нам всемогущее слово: *вперед*». На деле, однако, своего назначения в жизни Кочкарев не исполняет. Способность служить для других вдохновляющим началом присуща ему лишь потенциально. Как и в жизни других «мертвых душ», его жизненное призвание тоже «пошло» извращено. Вместо того чтобы возбуждать «бодренье и освеженье всех вокруг себя» (как писал Гоголь в духовном завещании [Гоголь 2009г: 10]), он хлопочет о женитьбе приятеля, сам недоумевая о мотивах своей кипучей деятельности: «Из чего я бьюсь, кричу, инда горло пересохло. Ведь вот точно как будто меня часа три сряду на корде гоняли. Ну с какой стати, желал бы я знать, я хлопочу так?» [Гоголь 1949: 315].

Слова, относящиеся во втором томе «Мертвых душ» к «сонному» Тенетникову, — призыв к его пробуждению — в полной мере актуальны для всех героев «Женитьбы»: и для «тряпки, а не чиновника» Подколесина, и для побуждающего его к перемене жизни приятеля Кочкарева. «Браво! хорошо! Я всегда ожидал от тебя много в будущем, — говорит Кочкарев Подколесину. — Ты, брат, помни, только кураж, кураж — и больше ничего» [Гоголь 2009б: 361; 1949: 297]. Обращает внимание Гоголь и на любовь Кочкарева к быстрой езде — составляющей, согласно хрестоматийным строкам «Мертвых душ», одну из отличительных черт русского народа. «А мои гнемые птицы, — замечает Кочкарев (знающий о выезде лошадей «на корде»), — хоть кого обгонят». Характерны и бытовая ремарка, впервые выводящая этого героя на сцену: «Кочкарев, *вбегая*»; и его слова, обращенные к Подколесину: «*Поскорее*, как ты копаешься» [Гоголь 1949: 318; 2009б: 318, 322; курсив мой. — И. В.].

Однако в полной мере на роль побудителя и наставника общества Кочкарев определенно не годится. Сам он признается, что в своем образовании остановился на начальных классах уездного училища: «Ведь и учился на медные деньги. Только катихизис (так в источнике. — И. В.) да первую часть арифметики, да еще учили тогда книгу о должностях человека и гражданина, а в риторику и не заглядывал» [Гоголь 1949: 331]. В этом отношении недоучившийся герой претендовать на роль настоящего

наставника, естественно, не может. Этот будящий Подколесина от «мертвого» сна герой по своему образовательному и духовному уровню, по направленности своих призывов, становится для героя отнюдь не побудителем, а напротив, препятствием, «кочкой» на его пути, препятствующим движению «кочкарником». (В карманной книжке Гоголь, в частности, пометил: «Кочкарник — место, покрытое кочками» [Гоголь 2009е: 616].)

Проясняется в этой связи и не сразу осознаваемый зрителем и читателем *согласный* — одинаковый для обоих главных героев «Женитьбы», Подколесина и Кочкарева, «дорожный» смысл их фамильных прозвищ. Фамилия Подколесин находится в очевидной связи с словом «подколесица» («колесная колея»); «подколесный» («под колесом или колесами находящийся») [Даль 1882: 182]. Фамилия Кочкарев ассоциируется с непроходимым местом, болотом, «кочкарником» или дорожными ухабами и буграми, мешающими при езде. Кочка может быть не только болотной, но и дорожной. В словаре В. И. Даля отмечено: «Кочка — затвердевшая кучка земли»; «Сгладить кочки. Угладить дорогу»; «Телега грукает <гремит> по кочкам»; «Заравнивать; делать поверхность ровною; сыпать бугры, кочки, засыпая ямы» [Даль 1880: 183, 362, 411, 646].

По-видимому, тип Кочкарева как «понукателя» и «преобразователя» общества, не отвечающего своему призванию — насущной задаче «уравнивания» душевных «дорог», Гоголь прямо подразумевал в статье «Занимающему важное место», когда писал: «Устроить дороги, мосты и всякие сообщения есть дело истинно нужное; но угладить многие внутренние дороги, которые до сих пор задерживают русского человека в стремление к полному развитию сил его есть дело еще нужнейшее» [Гоголь 2009г: 139].

Выбор «дорожных» прозвищ героев «Женитьбы» был мотивирован размышлениями Гоголя о пробуждении русского человека, высказанными во втором томе «Мертвых душ» при характеристике «байбака» Тентетникова. (К работе над вторым томом поэмы Гоголь приступил еще в 1839 г. [Виноградов 2017: 130], т. е. задолго до окончания «Женитьбы» в 1842 г.) Сатира Гоголя была связана с его давними размышлениями о движении России «вперед», со стремлением показать «пути и дороги для всякого» к «высокому и прекрасному» «в этом темном и запутанном настоящем». Выбор Гоголем имен для героев «Женитьбы» — Подколесина, Кочкарева, Яичницы, Жевакина, Онучкина — обнаруживает связь с главным «делом жизни» писателя. Рассчитанные на комический эффект, основанные на народно-поэтической стихии, прозвища героев «Женитьбы», как и имена героев «Мертвых душ», представляют собой значимую художественную классификацию, образный писательский «рубрикатор» негативных явлений, с знаковыми «пашпортами» героев «на вечную носку» [Гоголь 2009г: 87, 108; 2009в: 106, 258].

Источники

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. В 14 т. Т. 5 / Тексты и коммент. подготовили М. П. Алексеев, Н. И. Мордовченко, А. А. Назаревский, А. Л. Слонимский. Л.: АН СССР, 1949. 511 с.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. Т. 1/2. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009а. 664 с.; Т. 3/4. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009б. 688 с.; Т. 5. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009в. 680 с.; Т. 6. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009г. 744 с.; Т. 7. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009д. 816 с.; Т. 9. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009е. 968 с.; Т. 15. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009ж. 624 с.

Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий / Издание подготовил И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2009з. 696 с.

Гринченко Б. Д. (ред.). Словарь української мови. В 4 т. / Зібрала редакція журналу «Кієвська Старина». Упорядковав, з додатком власного матеріалу Борис Грінченко. Київ: Друкарня Акційного товариства Н. Т. Корчак-Новицького. Т. 1. 1907. 494 с.; Т. 2. 1908. 573 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. 2-е изд., испр. и значительно доп. по рукописи автора. Т. 1. СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880. 722 с.; Т. 2. СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1881. 807 с.; Т. 3. СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882. 576 с.

Симонов М. Т. Українські приказки, прислів'я і таке інше. Збірники О. В. Марковича та інших. Спорудив М. Номис. СПб.: В друкарнях Тиблена и комп. и Куліша, 1864. 304 с.

Литература

Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Научное издание: в 7 т. Т. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 672 с.; Т. 7. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 640 с.

Виноградов И. А. Психологизм Н. В. Гоголя // Два века русской классики. Т. 2. № 4. 2020. С. 6–73.

Виноградов И. А. «Ревизор» Гоголя как комедия-трагедия. К проблеме жанра // Два века русской классики. 2024. Т. 6. № 1. С. 74–101.

Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 23. Одале-Осеть. Л.: Наука, 1987. 376 с.

References

- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Iss. 23. Odale-Oset'. Leningrad, Nauka Publ, 1987. 376 p.
- Vinogradov I. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N. V. Gogolya (1809–1852). Nauchnoe izdanie: v 7 t.* [Chronicle of life and work of N. V. Gogol (1809–1852). Scientific publication: in 7 vols]. Vol. 2. Moscow, IWL RAS Publ., 2017. 672 p.; vol. 7. Moscow, IWL RAS Publ., 2018, 640 p.
- Vinogradov I. A. [Psychologism of N. V. Gogol]. *Two centuries of Russian classics = Dva veka russkoi klassiki*, 2020, vol. 2, no. 4, pp. 6–73. (In Russ.)
- Vinogradov I. A. [Gogol's "The Government Inspector" as a Comedy-Tragedy. On the Problem of Genre]. *Two centuries of Russian classics = Dva veka russkoi klassiki*, 2024, vol. 6, no. 1, pp. 74–101. (In Russ.)